

Илья Кабаков с соавтором — женой Эмилией — побрезговал московской выставкой, но приехал в Петербург Фотограф: Никита Инфантьев/Газета

Работа — 2001 — 24 июля — с. 10.

Эрмитаж получил туалет и шкаф

Илья Кабаков в Питере

МАРИЯ КОРОСТЕЛЕВА

В Эрмитаже, в Главном штабе, открылась выставка Ильи и Эмили Кабаковых. Рисунки, фотографии, макеты осуществленных и неосуществленных проектов, а также три настоящие инсталляции привезли в Петербург при содействии нью-йоркского Музея Гуггенхайма и московской галереи Stella. Две работы — «В шкафу» и «Туалет в углу» — останутся в Главном штабе навсегда. Они, по словам директора Эрмитажа Михаила Пиотровского, будут жить там постоянно и во многом определяют, каким будет эрмитажный «музей искусства XX века».

В реальности инсталляций было четыре: три, как и положено произведениям искусства, разместились в залах, четвертая выплеснулась на лестницу и в вестибюль. Там в ожидании встречи с великим теснилась и колыхалась разноязыкая толпа, съехавшаяся на открытие из Москвы, Нью-Йорка, Сан-Франциско, Лос-Анджелеса, Рима, Милана, Варшавы и многих других городов планеты, где слово Kabakov означает все русское современное искусство разом, где по инсталляциям и проектам этого человека изучают советское прошлое приблизительно так, как изучают крито-минойскую культуру по развалинам Кносского дворца. Очередь, состоявшая из художников, критиков, кураторов и просто любителей искусства, вела себя терпеливо и понимающе: иностранцы шутили: «Back in the USSR», русские интересовались, что почем дают, и вспоминали пришедшего очень кстати писателя Со рокина. Шутить пришлось долго: дабы не создавать давки, в залы запускали по сорок-пятьдесят человек. Самые впечатлительные не выдерживали и уходили, оставшиеся утешались, вспоминая фразу кабаковского преподавателя из Суриковского училища: «В будущее возьмут не всех».

Будущее оказалось впечатляющим: Эрмитаж под чутким руководством четы Кабаковых превзошел сам себя и представил абсолютно идеальную, просто-таки образцовую выставку современного искусства. Задумано все было так, чтобы простой русский зритель, наверняка слышавший о существующем где-то великом русском художнике Кабакове, но никогда не видевший его живьем, осознал масштаб личности и немедленно проникся за соотечественника чувством гордости. Сначала фотографии, макеты и эскизы уже реализованных инсталляций. Скандальный «Туа-

лет»: обычный такой, покрашенный белой известью, с буквами «М» и «Ж», без всяких тебе кабинок и перегородок сортир, каких до сих пор полным-полно на просторах нашей Родины. Разница только в том, что внутри, прямо в сортире, обычная двухкомнатная квартира: в мужской части — гостиная, в женской — спальня. Стол, буфет, этажерка, детская кроватка с игрушками, фикусы, салфеточки, все как полагается. Когда инсталляция была представлена впервые на «Документе-92», иностранцы преисполнились брезгливой жалостью, а русские возмущались: как же, заставить весь мир поверить, будто советские живут в туалетах. Помимо «Туалета» есть «Красный павильон» с Венецианской биеннале 1993 года: бревна, мусор, доски, высоченный забор из свежих досок, в общем, вечная наша стройка. За забором в павильоне — тоже стройка и хлам, узкий коридор с голой лампочкой, где-то впереди полуоткрытая дверь, там выход на балкон и ослепительный вид: на заднем плане как декорация — Венеция, а на первом плане внизу как реальность — маленький ярко-розовый павильончик с красными флагами, звездами и репродукторами, откуда до посетителей доносятся оглушительные марши и речи.

Предполагается, что все это, а также еще несколько проектов зритель должен представить по эскизам и макетам. Дальше — легче, дальше настоящие, реальные инсталляции: «Туалет в углу» — деревянные двери с окошками, неровно замазанные белой краской, и «В шкафу», где сквозь приоткрытые створки виднеется маленькое сиденье, накрытое сереньким одеяльцем, и где аккуратно разложено и развешано скромное имущество хозяйки — будильник, фотография актрисы, стакан с карандашами и прочий хлам. Глядя

на последний, один мой знакомый художник вспомнил, как отец его приятеля, живший с женой и двумя детьми в девятиметровой комнате в коммуналке, по выходным залезал в шкаф и устраивался там печатать фотографии. Электричества в доме не было, и снимки приходилось проявлять с помощью спички.

Той коммуналки давно уже нет, и той страны тоже нет. Остались вечный ремонт, мусор и непонятное чувство беспокойства. В последнем зале (инсталляция «Случай в музее») стулья сдвинуты к стенам, свет почти погашен, надо всей разрухой — деревянный помост, по которому движутся зрители. На стенах картины: какой-то соцреализм — дети за учебниками, какая-то абстракция в духе андеграунда семидесятых и фирменные кабаковские крашенные зеленой краской стенды с фирменными кабаковскими вопросами: «Чья это терка?» — «Ольги Марковны»; «Где Анна Петровна?», «Где Сергей Владимирович?». Никого здесь больше нет. И только на полу внизу множество маленьких белых человечков, которые движутся куда-то в неизвестном направлении. Говорят, эрмитажная уборщица приняла их за мусор и чуть было не отправила в помойку. Кажется, и правда ничего больше нет.

А вот еще о Кабакове. Где-то в Мюнстере есть особая антенна его работы. Если лечь на траву и посмотреть в небо, то можно увидеть, как наверху почти невидимые тоненькие проволочные буквы складываются в послание: «Мой дорогой! Когда ты лежишь в траве, запрокинув голову, и вокруг тебя никого нет, ты слышишь только ветер и глядишь в открытое небо — в синеву, где плывут облака, — быть может, это лучшее, что ты сделал в своей жизни».